

Научная статья

УДК 343.9

EDN: COWDVQ

**ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СТ. 207.3 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ): МАНИПУЛЯТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОРЫ
И ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Игорь Алексеевич Антонов¹, Алексей Андреевич Кульпин²

¹ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ docantonov@yandex.ru

² alex.kulp@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье, исходя из актуальной геополитической ситуации, рассматривается такая информационная угроза экстремистского характера, как публичное распространение заведомо ложной информации, предусмотренной ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), о событиях и участниках специальной военной операции (далее – СВО, спецоперация) на территории Украины. В рамках комплексного исследования правовых аспектов данного состава преступления авторы уделяют особое внимание исследованию метафоры как эффективного инструмента манипулятивного воздействия, используемого в фейкинге лицами, признанными иностранными агентами, спецслужбами и структурами информационно-психологических операций, нацеленными на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и участников СВО, разрушение доверия граждан к органам государственной власти. Особое внимание уделяется исследованию метафор в речевых продуктах распространителей фейковой информации – выявляются типичные модели и приёмы манипулятивного использования метафоры, что имеет особую значимость при проведении судебных экспертиз анализируемых материалов (это обусловлено тем, что тщательное изучение типичных метафор, приемов и целей их применения позволяет эксперту точно отличить утверждения о фактах от убеждений и мнений). Авторы приходят к заключению, что анализ метафорики текста расширяет диагностический инструментарий эксперта и повышает точность выводов судебной экспертизы фейковых материалов.

Ключевые слова: статья 207.3 УК РФ, информационная угроза обществу и государству, манипуляция, фейк, лингвистическое исследование, метафора, экспертиза фейковых материалов

Для цитирования: Антонов И.А., Кульпин А.А. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): манипулятивное использование метафоры и ее исследование при проведении экспертиз по уголовным делам // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 38–47. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/004.pdf>. EDN: COWDVQ.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**PUBLIC DISSEMINATION OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION ABOUT THE USE OF THE ARMED FORCES
OF THE RUSSIAN FEDERATION (ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION):
MANIPULATIVE USE OF METAPHOR AND ITS STUDY DURING EXAMINATIONS IN CRIMINAL CASES**

Igor A. Antonov¹, Alexey A. Kulpin²

¹ Saint-Petersburg Military Zhukov's Order Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

ВЕСТНИК САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ИНСТИТУТА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ. 2024. № 2 (27). ISSN 2587-7402 (онлайн)
VESTNIK SANKT-PETERBURGSKOGO VOENNOGO INSTITUTA VOJSK NACIONAL'NOJ GWARDII. 2024;2(27). ISSN 2587-7402 (online)

² Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

¹ docantonov@yandex.ru

² alex.kulp@yandex.ru

Abstract. This article, based on the current geopolitical situation, examines such an information threat of an extremist nature as the public dissemination of knowingly false information under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) about the events and participants of a special military operation (hereinafter referred to as the SVO, special operation) on the territory of Ukraine. As part of a comprehensive study of the legal aspects of this corpus delicti, the authors pay special attention to the study of metaphor as an effective tool of manipulative influence used in faking by persons recognized as foreign agents, special services and structures of information and psychological operations aimed at discrediting the Armed Forces of the Russian Federation and its participants, destroying citizens' trust in public authorities. Special attention is paid to the study of metaphors in the speech products of distributors of fake information – typical models and techniques of manipulative use of metaphor are identified, which is of particular importance when conducting forensic examinations of the analyzed materials (this is due to the fact that a thorough study of typical metaphors, techniques and purposes of their application allows an expert to accurately distinguish statements of facts from beliefs and opinions). The authors conclude that the analysis of the metaphor of the text expands the diagnostic tools of the expert and increases the accuracy of the conclusions of the forensic examination of fake materials.

Keywords: article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, information threat to society and the state, manipulation, fake, linguistic research, metaphor, examination of fake materials

For citation: Antonov I. A., Kulpin A.A. Public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): manipulative use of metaphor and its study during examinations in criminal cases. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2024;2(27): 38–47. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/004.pdf>. EDN: COWDVQ.

© Антонов И.А., Кульпин А.А., 2024

Введение

В период перестройки мирового порядка, когда Российская Федерация отстаивает фундаментальное право на обеспечение безопасности своего народа, защиту национальных интересов и исторического статуса великой державы, особенно важно сплочение общества вокруг национальной идеи и поддержка действий государства по укреплению суверенитета и независимости страны, а именно – поддержки Вооруженных Сил Российской Федерации и других участников специальной военной операции. Только общенародное единство в понимании целей СВО обеспечит ту созидательную энергию, которая необходима для отстаивания фундаментального права России быть сильным, самостоятельным государством.

При этом нашему государству в последние годы приходится сталкиваться с мощнейшим противостоянием, с непрекращающейся информационной войной [10], в рамках которой, как показало проведенное авторами настоящей статьи исследование, метафора превратилась в один из мощнейших инструментов конструирования

социальной реальности и манипулирования общественным сознанием. В сфере политической коммуникации метафора реализует манипулятивный потенциал благодаря своей способности незаметно навязывать адресату нужную систему ценностей и смыслов. При этом она маскирует и легитимирует скрытое воздействие на сознание субъекта, сохраняя видимость объективности за счет образности и косвенности. Именно эти качества метафоры привлекают к ее использованию лиц, признанных иностранными агентами, спецслужбы и структуры информационно-психологических операций в качестве эффективного инструмента манипулятивного воздействия, применяемого в фейкинге, имеющем целью дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и участников СВО, разрушение доверия граждан к органам государственной власти [5]. Метафора стала ключевой формой уголовно-наказуемых распространяемых фейков о спецоперации, подпадающих под действие ст. 207.3 УК РФ.

Исследование показало, что в настоящее время метафора становится

ключевым инструментом политтехнологов и медиаманипуляторов, позволяя влиять на общественное мнение ненавязчивым и труднораспознаваемым способом. Схожей позиции также придерживается О. Е. Рожкова, рассматривая метафору как мощный инструмент политической риторики, позволяющий осуществлять манипуляцию общественным сознанием [17, С. 100].

М. С. С. Абуева и М. Х. Темиева к основным приемам манипулятивного использования метафоры относят:

- навешивание ярлыков – дискредитация политических оппонентов посредством образных негативных характеристик;
- эвфемизацию – смягчение неприятных явлений описательными метафорами;
- создание ложных аналогий – установление ассоциативных связей между несопоставимыми явлениями;
- апелляцию к эмоциям и инстинктам – использование метафор, актуализирующих базовые потребности и чувства;
- двусмысленность – намеренное конструирование расплывчатых метафор, допускающих широкий спектр интерпретаций [1].

При этом требуется отметить, что анализируемое преступное деяние – публичное распространение заведомо ложной информации об участниках СВО на Украине, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ, характеризуется использованием исключительно формы категорических утверждений. Определение же наличия данной формы подачи информации входит в компетенцию экспертов при проведении судебных лингвистических экспертиз [2]. Как показало исследование, это совсем не простая задача и, наряду с решением целого ряда иных проблем, возникающих при расследовании рассматриваемого вида преступлений, изучение специфики лингвистического оформления распространяемой информации в виде метафор (далее – метафоризация) представляет важное научно-практическое значение.

Основные положения

Сама по себе метафора основана на переносе смыслов из одной концептуальной области в другую. При этом происходит наложение свойств и характеристик одного явления на другое, что порождает новые ассоциативные связи в сознании лица, воспринимающего информацию. Так, например, «политика – это война» структурирует восприятие политического процесса через призму военных действий.

В работах отечественных лингвистов выделяется ряд оснований для систематизации политических метафор [6; 14], однако мы придерживаемся следующей классификации:

По источнику метафорической экспансии:

- антропоморфные метафоры, основанные на сопоставлении политики с человеком и его деятельностью («политический лидер», «политическая борьба»);
- зооморфные метафоры, использующие образы животных («волк-одиночка в политике», «партийная хищница»);
- природоморфные метафоры, апеллирующие к явлениям и объектам природы («буря в политическом болоте», «цунами протеста»).

По характеру взаимодействия концептуальных областей:

- онтологические метафоры, отождествляющие абстрактные политические процессы с конкретными объектами и явлениями («корабль государства», «арена политики»);
- структурные метафоры, переносящие логику одной концептуальной области на другую («политическая иерархия», «механизм принятия решений»).

По прагматической направленности:

- интерпретирующие метафоры, задающие нужную трактовку политическим событиям;
- оценочные метафоры, выражающие отношение к политическим акторам и процессам;
- прогностические метафоры, моделирующие возможное развитие событий.

Отметим, что метафора, как троп, основанный на переносном употреблении слова или фразы [16], может выражать самые разные когнитивно-коммуникативные интенции – от описания и характеристики объекта до его оценки или выражения эмоционального отношения. Поэтому, на наш взгляд, данная классификация хоть и максимально отражает многообразие функций и механизмов политической метафоры, а её углубленный анализ позволяет выявить скрытые смыслы и интенции политического дискурса, но сама по себе она не дает оснований считать любую метафору утверждением.

Для определения коммуникативного статуса метафоры требуется проведение комплексного лингвистического анализа контекста ее употребления. Эксперту необходимо установить прагматическую установку автора высказывания,

проанализировать лексико-грамматические и стилистические особенности текста, выявить наличие или отсутствие модальных слов и конструкций, указывающих на степень достоверности сообщаемого [1, С. 12–13]. На основании такого исследования в ходе реализации своих специальных знаний эксперт сможет дать обоснованное заключение о коммуникативном статусе метафоры: является ли она утверждением, предположением, оценочным суждением.

При этом изучение судебно-следственной практики по уголовным делам о распространении фейковых сообщений о СВО на территории Украины, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, позволяет выявить использование следующих ключевых метафор:

1. Милитаристских метафор, изображающих ход спецоперации, как военную агрессию, которые выполняют ряд стратегических задач в фейковых сообщениях. Во-первых, применение лексики, связанной с военными действиями («наступление», «захват», «удары»), формирует искаженное представление о мотивах и характере спецоперации, придавая ей статус неспровоцированной агрессии. Во-вторых, военная лексика создает у аудитории ощущение угрозы, вызывая ассоциации с разрушениями и жертвами. В-третьих, изображение конфликта с использованием военной терминологии задает определенную интерпретационную рамку, предполагающую наличие врага, необходимость победы. Происходит дискредитация основной цели СВО – демилитаризация и денацификация Украины [9].

2. Мифологических метафор, которые также выполняют манипулятивные функции. Например, уподобление России мифологическому злу («силы тьмы», «мифическое чудовище») наделяет ее демоническими чертами в восприятии аудитории. Апеллируя к архетипическому представлению о борьбе добра и зла, такие метафоры подталкивают аудиторию к однозначному осуждению России. Кроме того, проводимая демонизация лишает права на понимание и оправдание своих мотивов действий.

В свою очередь деконструкция данных метафорических моделей позволяет демаскировать приемы манипулятивного воздействия фейковых сообщений и сформировать объективное восприятие ситуации. По справедливому мнению ряда учёных, интерпретация смыслов такой информации позволяет выявить её манипулятивную направленность [21, С. 75–89]. Применительно к фейкам, предусмотренным ст. 207.3 УК РФ, она состоит в следующем:

- апелляция к базовым эмоциям (страху, гневу, отвращению, презрению), что ассоциирует образ государства с образом чудовища;

- яркость и чувственная наглядность метафорических образов, которая усиливает сопереживание (например, метафора «моря крови»¹ вызывает шок и сострадание);

- моделирование эмоциональной реакции межличностного общения (гнева, презрения, ненависти) в отношении конкретной персоны (например, согласно изученным материалам уголовного дела, М. и Р. посредством использования техники трафаретной живописи создали граффити, содержащее изображение В. В. Путина в виде гибрида с А. Гитлером и лозунгом, ассоциирующим президента России с войной²);

- формирование чувства катастрофичности и неизбежности (например, относительно успехов контрнаступления Вооруженных Сил Украины и потерь с российской стороны³);

- использование эмоционально окрашенной лексики в метафорах (в частности, в таких, как «зверства», «коварство», «напасть» бойцов Вооруженных Сил Российской Федерации⁴), что усугубляет негативную тональность образов;

- создания иллюзии причастности (например, метафора «наш дом бомбят русские»⁵ вовлекает аудиторию в события на эмоциональном уровне).

В целом, как справедливо отмечают А. С. Гурова и Л. Е. Малыгина, тема метафоричности тесно сопряжена с культурой постмодернизма [12, С. 698]. Действительно, постмодернизм как направление отвергает однозначность и стремится к

¹ Уголовное дело № 1–339/2022 (2022 г.). Архив Первомайского районного суда г. Пензы.

² Уголовное дело № 1–33/2023 (2023 г.). Архив Конаковского городского суда Тверской области.

³ Уголовное дело № 1–530/2022 (2022 г.). Архив Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края.

⁴ Уголовное дело № 2–11/2022 (2022 г.). Архив Тюменского областного суда.

⁵ Уголовное дело № 01–0105/2023 (2023 г.). Архив Тимирязевского районного суда г. Москвы.

плюрализму смыслов, что проявляется в тяготе к метафоричности и образности языка, размыванию четкого определения понятий. Слово выходит за рамки своего непосредственного смысла и наделяется множеством потенциальных значений.

Такой подход нашел отражение в практике современных медиа, где метафора широко используется как прием создания неопределенности и многозначности [11]. Особенно это характерно для фейковых сообщений (подпадающих под действие ст. 207.3 УК РФ) субъектов, осуществляющих информационно-психологическое противоборство (в частности, это распространители фейковых новостей, лица, признанные иностранными агентами, средства массовой информации, признанные на территории Российской Федерации нежелательными организациями, а также спецслужбы и структуры информационных операций недружественных государств), которые за счет образности и ассоциативности метафор вводят в заблуждение относительно конкретных фактов. Таким образом, метафоричность языка постмодернизма действительно создает почву для манипуляций общественным сознанием. Однако распознавание приемов подобных манипуляций и критический подход к воспринимаемой информации помогают не только гражданам противостоять воздействию фейков, но и правоохранительным органам противодействовать распространению данного явления.

В частности, для сотрудников, осуществляющих мониторинг интернет-пространства⁶, критический анализ метафоричности повышает эффективность выявления признаков фейковой информации, в то время как для следователей при расследовании фейкинга, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, исследование использованных в информационных материалах метафор расширяет доказательную базу и облегчает установление «заведомой ложности», одного из важнейших обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по рассматриваемому виду преступлений [2, С. 40].

Следует отметить, что принципы метафоричности и многозначности языка активно используются создателями фейковых

новостей в современном медиaprостранстве. Особенно это касается блогеров – одних из ключевых акторов в публичном распространении недостоверной информации. При этом данные субъекты прекрасно осведомлены о подлинных гуманитарных целях спецоперации по защите этнических русских и русскоязычного населения, считающего себя носителем русской культуры. Тем не менее они цинично игнорируют эти цели ради увеличения монетизации контента и охвата аудитории посредством сенсационных фейков. Такое заведомо ложное информирование искажает восприятие подписчиков и формирует ошибочные представления о якобы неправомерном или преступном характере СВО. Использование метафор и неоднозначности в корыстных целях оборачивается распространением опасной дезинформации и требует активных противодействующих решений правоохранительных органов.

В частности, за последние два года видеохостинг YouTube и социальная сеть «Telegram» превратились в мощные платформы для продвижения манипулятивных и деструктивных политических нарративов блогерами [13]. За счет сочетания визуальной выразительности видео и метафоричности языка они воздействуют на подсознание аудитории, навязывая «нужную» интерпретацию событий [8, С. 357]. При этом умелое использование ассоциативного и эмоционального потенциала метафор позволяет блогерам маскировать отсутствие фактических доказательств и логических оснований своих утверждений.

Использование фейкмейкерами милитаристских и демонизирующих метафор применительно к действиям России в ходе СВО призвано сформировать у российской аудитории стойкие негативные ассоциации и коннотации в отношении собственного государства и его руководства. Посредством многократного повторения образов «российской агрессии» или «варварства Кремля» происходит закрепление данных метафорических моделей и их оценочных рамок в общественном сознании. В результате этого подрывается позитивный образ Родины в глазах россиян и делается

⁶ В настоящее время функции по мониторингу сети Интернет возложены на отдельные подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации,

Генеральную прокуратуру Российской Федерации, а также на Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

попытка делегитимизировать деятельность органов государственной власти [2, С. 44].

Так, например, при рассмотрении уголовного дела установлено, что «к оскорблениям и резким метафоричным выражениям часто прибегал Б., осужденный за распространение фейков о якобы ведении Российской Федерацией войны с Украиной в целях захвата ее территории. В одном из них в оскорбительной форме Б. обращался к Президенту Российской Федерации и указывал на то, что тот «предал мать-блокадницу и Родину»⁷. Данный прием установлен судом и в рамках другого уголовного дела, где «в своих речах К. ассоциировал российского президента с Адольфом Гитлером, с указанием на то, что верховный главнокомандующий сидит в своем бункере и дает указания бомбить жилые дома в мирных городах»⁸.

Исследование метафорических моделей в медиадискурсе распространителей фейков также позволяет выявить устоявшуюся технику манипулирования общественным сознанием посредством контрастного сопоставления эвфемизмов (например, «зачистка территории») и дисфемизмов (таких как «уничтожение населения», «истребление мирных жителей»), противопоставленных эвфемистическим выражениям. Применение подобных метафорических моделей направлено на искажение восприятия реальности и формирование манипулятором негативного общественного мнения. Так, эвфемистические выражения призваны смягчить и завуалировать суть происходящего, в то время как дисфемизмы, резко контрастируя с ними, стремятся шокировать аудиторию и вызвать отрицательную эмоциональную реакцию. Сопоставление стилистически противоположных метафор позволяет манипулятивно воздействовать на сознание аудитории и навязывать определенную трактовку событий, отличающуюся от реального положения вещей.

Как видно, существует широкий спектр разнообразных метафор, используемых для манипулятивного воздействия на аудиторию, но объединяет их общая военная тематика, отражающая специфику текущей ситуации. Варьирование метафорических образов позволяет поддерживать интерес аудитории, апеллировать к различным

эмоциональным и когнитивным механизмам восприятия, однако стержневая военная концептуальная метафора сохраняется в качестве семантического ядра манипулятивного воздействия.

Правоохранительные органы при противостоянии распространению фейковой информации также должны учитывать, что устойчивыми метафоричными выражениями стали формулировки, представляющие собой образный ряд. Так, например, исходя из материалов уголовного дела, в листовках, которыми художница С. заменяла этикетки на товарах, содержалась следующая информация: «Россия использует перевозные крематории. 0 цинковых гробов с телами наших сыновей будет в этот раз»⁹. В иллюстрациях художницы метафоры используются не случайным образом, а представляют собой целостную систему художественных образов, основанную на определенной метафорической модели. При этом зачастую такие выражения являются авторскими неологизмами, имеющими негативную коннотацию применительно к участникам СВО.

Проведенное исследование показало значительное распространение экспрессивно-оценочных метафор, используемых преимущественно для выявления прагматических установок автора, среди которых особо выделяются зооморфные метафоры. Подобные метафорические модели транслируют четкие и устойчивые оценочные коннотации. Хотя сами наименования животных лишены оценки, однако в случае их применения по отношению к человеку, контекст приобретает яркую оценочную окраску и может формировать негативные образы [7, С. 172]. Иными словами, перенос наименований животных на людей или социальные группы используется для выражения резко отрицательной оценки объекта метафоризации, что позволяет автору высказывания транслировать собственное негативное отношение к описываемому явлению. Так, например, как следует из материалов уголовного дела, «Н., распространивший фейковую информацию о намеренном обстреле российскими военнослужащими родильного дома в Мариуполе и убийстве мирного населения в городе Буча, в одном из своих постов писал:

⁷ Уголовное дело № 1–328/2023 (2023 г.). Архив Мытищинского городского суда Московской области.

⁸ Уголовное дело № 01–0154/2023 (2023 г.). Архив Басманного районного суда г. Москвы.

⁹ Уголовное дело № 1–82/2023 (2023 г.). Архив Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга.

«...слетаются ошалевшие патриотические мужи, которых становится все больше и больше»¹⁰.

Отдельно обратим внимание на верность утверждения Л. Е. Малыгиной и Е. С. Павловой, которые указывают, что ассоциативные образы, возникающие при восприятии продуктов манипулятивного медиаконтента, оказывают крайне негативное воздействие на российскую аудиторию [15]. При этом уточним, что особенно уязвимыми являются молодые люди, которые еще не обладают достаточным критическим мышлением и жизненным опытом, чтобы распознать манипуляции. По своей сущности фейковые новости направлены на искажение восприятия подростками реальности, поощрение нетерпимости и разжигание конфликтов; внушение ложных стереотипов подрастающему поколению нацелено на подрыв доверия к институтам власти. По справедливому мнению С. П. Синявской и Е. Н. Панкова, молодые люди нередко становятся жертвами целенаправленного внушения и обмана со стороны недобросовестных распространителей фейков, что приводит к их дезориентации и социальной изоляции [19, С. 110]. В результате подростки оказываются вовлеченными в деструктивную деятельность и сами начинают публично распространять заведомо ложную информацию, предусмотренную ст. 207.3 УК РФ. Примером этого может послужить размещение школьником в социальной сети ранее опубликованной недостоверной информации «об актах насилия над мирным населением, совершенных российскими военными в процессе установления контроля над Запорожской атомной электростанцией» [20]. При рассматриваемых обстоятельствах усугубляется целый ряд проблем: от снижения эффективности защиты наших национальных интересов (в том числе связанных с проведением специальной военной операции) до роста преступности несовершеннолетних; и решать их правоохранительные органы должны ежедневно на качественно новом уровне с ориентацией на результаты настоящего исследования.

Заключение

Надлежащее противодействие публичному распространению под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской

Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, в том числе в условиях проводимой специальной военной операции, в настоящее время связано с эффективным выявлением активно распространяющейся такой формы фейковой информации, подпадающей под действие ст. 207.3 УК РФ, как метафора. В руках лиц, признанных иностранными агентами, спецслужб и иных деструктивных организаций, нацеленных на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и участников СВО, метафора стала эффективным инструментом манипулятивного воздействия на российское общество. При этом установление противозаконного уголовно наказуемого использования метафор при описании действий Вооруженных Сил Российской Федерации и событий СВО требует от лиц, осуществляющих предварительное расследование и экспертные исследования, досконального знания типичных моделей и приемов манипулятивного использования метафоры, а также целей их применения, четкого разграничения утверждений о фактах от убеждений и мнений, так как преступное деяние – публичное распространение заведомо ложной информации, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ, характеризуется использованием исключительно формы категорических утверждений. Всесторонний анализ метафорики текста расширяет диагностический инструментарий эксперта и повышает точность выводов судебной экспертизы фейковых материалов.

Изучение судебно-следственной практики по уголовным делам о распространении фейковых сообщений о СВО, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, позволило выявить ключевые виды используемых для манипулирования общественным мнением и дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации метафор, которые формируют искаженное представление о мотивах и характере операции, придавая ей статус неспровоцированной агрессии, а также подталкивают к однозначному осуждению России. При этом установлено, что деконструкция используемых метафорических моделей позволяет демаскировать приемы манипулятивного воздействия фейковых сообщений и сформировать объективное восприятие ситуации (интерпретация смысла фейковой информации позволяет выявить её манипулятивную

¹⁰ Уголовное дело № 01–0001/2023 (2023 г.). Архив Басманного районного суда г. Москвы.

направленность). На это должны быть направлены сегодня усилия правоохранительных органов в тесном взаимодействии со средствами массовой информации, научным сообществом и общественными организациями. Помимо этого, в условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и нарастания потоков ложной информации в медиaprостранстве, особую актуальность приобретает задача повышения медиаграмотности не только военнослужащих [18], а всего населения. Наличие у граждан навыков критического анализа получаемой

информации, выявления манипулятивных техник и проверки достоверности распространяемых сведений будет способствовать снижению восприимчивости общества к фейкам. Кроме того, развитие медиакультуры также будет иметь важное профилактическое значение – повышение осведомленности граждан о формах распространения заведомо ложных сведений позволит им оперативно выявлять подобные факты и информировать правоохранительные органы о совершении преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ.

Список источников

1. Абуева М. С. С. Метафора как способ манипуляции в политических текстах / М. С. С. Абуева, М. Х. Темиева // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 229–232.
2. Антонов О. Ю. Проблемы назначения судебной лингвистической экспертизы в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3, 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, и пути их решения / О. Ю. Антонов, Т. А. Сааков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 4 (42). С. 78–85.
3. Галяшина Е. И. Индикаторы фейковизации поликодовых текстов в контексте выявления недостоверной информации в Интернете / Е. И. Галяшина, К. М. Богатырев // Эксперт-криминалист. 2023. № 2. С. 11–14.
4. Данилова Н. А. Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации и иных участников специальной военной операции на территории Украины (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации) / Н. А. Данилова, А. А. Кульпин // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 38–45.
5. Данилова Н. А. Публичное распространение заведомо ложной информации об участниках специальной военной операции на территории Украины – угроза национальной безопасности Российской Федерации / Н. А. Данилова, А. А. Кульпин // Межгосударственное противоборство в условиях глобализации и его влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. М. : Издательский Дом «УМЦ», 2023. С. 163–168.
6. Ильясова Р. С. К вопросу о лингвистической трактовке метафоры // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 550–552.
7. Кортава Т. В. Русский язык и культура речи. М. : МАКС Пресс, 2012. 273 с.
8. Кульпин А. А. Использование высоких технологий для публичного распространения заведомо ложной информации, предусмотренной ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вопросы Российской юстиции. 2023. № 26. С. 356–364.
9. Котова Е. Путин назвал целью СВО прекращение полномасштабных боевых действий, которые идут в Донбассе с 2014 года // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/01/18/reg-szfo/putin-nazval-celju-svo-prekrashchenie-polnomasshtabnyh-boevyih-dejstvij-kotorye-idut-v-donbasse-s-2014-goda.html> (дата обращения: 19.01.2024).
10. Липатов Ю. Об информационной войне, развязанной против России, большой разговор президента с участниками Совета безопасности // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-05-20/429274-ob_informatsionnoy_voynе_razvyazannoy_protiv_rossii_bolshoy_razgovor_prezidenta_s_uchastnikami_soveta_bezопасnosti (дата обращения: 01.02.2024).
11. Мальцева Р. И. Метафоры новых медиа: производство неореальности // Слово – дискурс – медиа: смыслы, роли и когниции: Сборник трудов, посвященный юбилею профессора Р. И. Мальцевой. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 192–201.
12. Малыгина Л. Е. Метафоризация в дискурсе иноагентов как способ искаженного описания действительности / Л. Е. Малыгина, А. С. Гурова // Медиалингвистика: материалы VII Международной конференции. СПб., 2023. С. 697–701.

13. Мартыанов Д. С. Виртуальные сообщества в блогах: практика взаимодействия с политическими акторами // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 13. № 36. С. 67–75.
14. Никифорова Л. В. Политические метафоры и репутационный образ власти: опыт классификации данных социологического опроса / Л. В. Никифорова, Н. Н. Розанова // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 8. С. 56–74.
15. Павлова Е. С. Проблемы лингвобезопасности в современном медиадискурсе / Е. С. Павлова, Л. Е. Малыгина // Риторика и речекоммуникативные дисциплины в науке и практике современного общества: материалы XXV международной научной конференции по риторике. М., 2022. С. 357–362.
16. Петрова З. Ю. «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» и их использование в лингвистических исследованиях // Вопросы психолингвистики. 2015. № 25. С. 251–264.
17. Рожкова О. Е. Метафоры в политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1 (2). С. 99–101.
18. Савушкина М. А. Формирование у военнослужащих навыков верификации фейков посредством мероприятий военно-политической работы // Военно-политическая работа в Вооруженных силах Российской Федерации: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2023. С. 143–149.
19. Синявская С. П. Особенности анализа экстремистского дискурса на современном этапе / С. П. Синявская, Е. Н. Панкова // Криминалист. 2022. № 2 (39). С. 110–115.
20. Слепухина Л. В Новосибирске суд прекратил дело школьника, обвиненного в фейках об армии // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5652113> (дата обращения 25.01.2024).
21. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практическое пособие / Е. И. Галяшина, В. Д. Никишин, К. М. Богатырев, Е. Г. Пфейфер. М. : Блок-Принт, 2023. 144 с.

References

1. Abueva M. S. S. Metaphor as a method of manipulation in political texts / M. S. S. Abueva, M. H. Temieva // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2020. T. 9. № 2 (31). S. 229–232. (In Russ.).
2. Antonov O. Yu. Problems of assigning a forensic linguistic examination during the investigation of crimes under Art. 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, and ways to solve them / O. Yu. Antonov, T. A. Saakov // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. 2023;4 (42): 78–85. (In Russ.).
3. Galyashina E. I. Indicators of falsification of polycode texts in the context of identifying unreliable information on the Internet / E. I. Galyashina, K. M. Bogatyrev // Ekspert-kriminalist. 2023;2: 11–14. (In Russ.).
4. Danilova N. A. Circumstances to be established during the investigation of the public dissemination of knowingly false information about the actions of the Armed Forces of the Russian Federation and other participants in a special military operation on the territory of Ukraine (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) / N. A. Danilova, A. A. Kul'pin // Kriminalist". 2023;4 (45): 38–45. (In Russ.).
5. Danilova N. A. Public dissemination of deliberately false information about participants in a special military operation on the territory of Ukraine is a threat to the national security of the Russian Federation / N. A. Danilova, A. A. Kul'pin // Mezhgosudarstvennoe protivoborstvo v usloviyah globalizacii i ego vliyanie na upravlenie nacional'noj oboronoj Rossijskoj Federacii. M. : Izdatel'skij Dom «UMC», 2023. S. 163–168. (In Russ.).
6. Il'yasova R. S. On the issue of linguistic interpretation of metaphor // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2021;6 (91): 550–552. (In Russ.).
7. Kortava T. V. Russkij yazyk i kul'tura rechi. M. : MAKS Press, 2012. 273 s. (In Russ.).
8. Kul'pin A. A. The use of high technologies for public dissemination of deliberately false information provided for in Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Voprosy Rossijskoj yusticii. 2023;26: 356–364. (In Russ.).
9. Kotova E. Putin nazval cel'yu SVO prekrashchenie polnomasshtabnyh boevyh dejstvij, kotorye idut v Donbasse s 2014 goda // Rossijskaya gazeta. Available from: <https://rg.ru/2023/01/18/reg-szfo/putin-nazval-celiu-svo-prekrashchenie-polnomasshtabnyh-boevyh-dejstvij-kotorye-idut-v-donbasse-s-2014-goda.html> (data obrashcheniya: 19.01.2024). (In Russ.).

10. Lipatov Yu. Ob informacionnoj vojne, razvyazannoj protiv Rossii, bol'shoj razgovor prezidenta s uchastnikami Soveta bezopasnosti // Pervyj kanal. Available from: https://www.1tv.ru/news/2022-05-20/429274-ob_informatsionnoj_voynе_razvyazannoj_protiv_rossii_bolshoy_razgovor_prezidenta_s_uchastnikami_soveta_bezopasnosti (data obrashcheniya: 01.02.2024). (In Russ.).
11. Mal'ceva R. I. Metafory novyh media: proizvodstvo neoreal'nosti // Slovo – diskurs – media: smysly, roli i kognicii: sbornik trudov, posvyashchennyj yubileyu professora R. I. Mal'cevoj. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 192–201. (In Russ.).
12. Malygina L. E. Metaforizaciya v diskurse inoagentov kak sposob iskazhennogo opisaniya dejstvitel'nosti / L. E. Malygina, A. S. Gurova // Medialingvistika: materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii. SPb., 2023. S. 697–701. (In Russ.).
13. Mart'yanov D. S. Virtual communities on blogs: the practice of interaction with political actors // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2007. T. 13;36: 67–75. (In Russ.).
14. Nikiforova L. V. Political metaphors and the reputational image of power: experience in classifying sociological survey data / L. V. Nikiforova, N. N. Rozanova // Nauchnyj dialog. 2022. T. 11;8: 56–74. (In Russ.).
15. Pavlova E. S. Problemy lingvobezopasnosti v sovremennom mediadiskurse / E. S. Pavlova, L. E. Malygina // Ritorika i rechekommunikativnye discipliny v nauke i praktike sovremennogo obshchestva: materialy XXV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po ritorike. M., 2022. S. 357–362. (In Russ.).
16. Petrova Z. Yu. "Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the 19th–20th centuries." and their use in linguistic research // Voprosy psiholingvistiki. 2015;25: 251–264. (In Russ.).
17. Rozhkova O. E. Metaphors in political discourse // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2005;1 (2): 99–101. (In Russ.).
18. Savushkina M. A. Formirovanie u voennosluzhashchih navykov verifikacii fejkov posredstvom meropriyatij voenno-politicheskoj raboty // Voенно-politicheskaya rabota v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii: istoriya i sovremennost': materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Omsk, 2023. S. 143–149. (In Russ.).
19. Sinyavskaya S. P. Features of the analysis of extremist discourse at the present stage / S. P. Sinyavskaya, E. N. Pankova // Kriminalist". 2022;2 (39): 110–115. (In Russ.).
20. Slepuhina L. V. Novosibirskoe sud prekratil delo shkol'nika, obvinennogo v fejkah ob armii // Kommersant". Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5652113> (data obrashcheniya 25.01.2024). (In Russ.).
21. Fejkovizaciya kak sredstvo informacionnoj vojny v internet-media: nauchno-prakticheskoe posobie / E. I. Galyashina, V. D. Nikishin, K. M. Bogatyrev, E. G. Pfejfer. M. : Blok-Print, 2023. 144 s. (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Антонов – доктор юридических наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 20.06.2024.

Information about the author

I. A. Antonov – Doctor of Sciences (Law), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 20.06.2024.